

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XX в.

ХАРИВАНШРАЙ БАЧЧАН

Хариваншрай Баччан - один из крупнейших поэтов хинди XX в. Родился в Аллахабаде, в семье чиновника. Учился в Аллахабадском университете, затем в Кембридже, где получил степень доктора наук. Несколько лет преподавал английский язык в родном городе, затем работал на радио. С 1955 г. в течение нескольких лет был ответственным сотрудником Министерства иностранных дел Индии.

В 30-е годы выходят три сборника стихов Баччана: «Мадхушала», «Мадхубала» и «Мадхукалаш», созданные под влиянием поэзии Омара Хайяма. Затем — сборники: «Приглашение ночи», «Музыка одиночества», «Встревоженная душа», «Печальный мир», «Радуга», «Яд», «Письмо любви», «Женщина и искры» и др.

Баччан прошел долгий и сложный путь идейной и творческой эволюции — от романтико-мистических мотивов юношеской лирики до проникнутых передовыми идеями стихотворений 50-70-х годов, выдвинувших Баччана в первый ряд прогрессивных поэтов Индии. В 1966 году сборник его переводов «64 русских стихотворения» был отмечен премией имени Джавахарлала Неру. В 1970 году за свои литературные и общественные заслуги Баччан был удостоен международной премии «Лотос».

ЦВЕТЫ КАКТУСА

Смотри:
 Нежней, чем застенчивая заря,
 Цветы у колючего кактуса-дикаря.
 На них внимательнее взгляни:
 Быть может, тебе кого-то напомнят они?
 Кто эти души,
 Что с самого детства окружены
 Жизнью колючей, угрюмой, рабскою,
 Но все-таки раскрываются,
 Так же пугливы,
 Нежны,

Цветут такой же тихою, робкою радостью,
Веют таким же чуть виноватым.
Доверчивым ароматом.
Вспомни: а не встречал ли когда-нибудь ты
Такие цветы —
Стыдливые,
Неприхотливые,
Трогательно-молчаливые?

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

Ты думаешь: в старом этом колодце
Вода потому лишь темна и грязна,
Что был он прадедом нашим выкопан
В прежние, темные времена?
Но сколько бы ты ни бранил колодец,
Тебе доставшийся с давних дней,
Не думай, что станет вода от этого
Чище, прозрачнее, холодней.
Чтоб стала вода светлей, серебристей,
Как следует старый колодец очисти —
От грязи густой очисти,
Твердой рукой очисти

ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Мой старый дед поэзией считал
То, что возвышенно, чеканно, горделиво,
Полно старинных слов, пестро, велеречиво.
Чтоб вспоминались в тех стихах
Раджи на боевых слонах,
Богини, демоны, красавицы, жрецы,
Поля великих битв и пышные дворцы.

Отец всю жизнь поэзией считал
То, что утонченно, изящно, соразмерно,
По-иноземному туманно и манерно,
Чтоб сердцу слышались в стихах

И звон ручьев, и пенье птах,
 Чтоб чудились луга, морей седой простор,
 Созвездья, радуги, вершины дальних гор.

Я с юности поэзией считал
 То, что естественно, сердечно, и правдиво,
 И выразительно, и красочно, и живо.
 Пусть отражаются в стихах,
 Как в многоцветных зеркалах,
 Труды и праздники, вино, и кровь, и яд,
 Любовь, надежда, скорбь — все, чем наш мир богат,

Мой сын решил поэзией считать
 То, что уродливо, изломано и мерзко,
 Крикливо, вычурно и непристойно-дерзко,
 Чтоб в этих муторных стихах
 Мир превращался в грязь и прах,
 И чтоб терялась мысль за ядовитой мглой,
 А вместо образов валялся хлам гнилой
 Обеспокоены вы пятым поколеньем?
 Пророчить не берусь. Но я не удивлюсь,
 Увидев правнуков за прадедовским чтеньем.

ЖАЖДА И СЛАДОСТЬ

Измученный жаждой, колодец нашел я,
 Стал пить — и казалось, сладостный мед,
 Райский напиток в меня течет!

И снова к тому же колодцу пришел я,
 Стал снова пить: вода как вода —
 Бесцветная, пресная, как всегда.

Что же случилось?..
 Или за несколько дней
 Вода изменилась? Нет!
 И нетрудно найти ответ:
 Видно, совсем не в воде, а в жажде моей
 Сладость таилась.

СЛОВА И ДЕЛА

Кто сделал многое, тот вздыхает:
Как мало я в жизни своей успел!..
Кто сделал что-нибудь, восклицает:
Как много свершил я великих дел!..
А кто ничего не сделал, трезвонит:
Миром так я и не был понят!..

Но люди лишь потому кричат,
Что их дела до поры молчат.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Когда я во цвете лет
Увидел ее в первый раз,
Думал:
Рассудок со мной навсегда простился.
Когда я на склоне лет
Встретился с ней сейчас,
Вижу:
Рассудок давно ко мне возвратился.

ФИЛОСОФ И ПОЭТ

Ты философ?
Увидев раскрытый лотос,
Ты привычно пускаешься в рассужденья
О добре, бескорыстье, святом пути.
Но хоть раз приблизься к цветку живому
И хоть раз аромат его ощути!
Ты поэт?
Увидев раскрытый лотос,
С упоением вдыхаешь ты тонкий запах,
С восхищеньем разглядываешь цветок.
Но хоть раз дотронься до липкой грязи —
Без нее бы вырасти он не смог!

ЛЕСТНИЦА

Лез я все выше —
 Когда ж оказался на крыше,
 Презрительно лестницу отпихнул ногой,
 Но дотянуться не смог до молодого месяца...
 — Что ж, посмотрю теперь,
 Как спустишься, мой дорогой!—
 Усмехается лестница.

НАОБОРОТ

Дивясь их древней мудрости и силе,
 Им поклоняясь, как богам земным,
 Мы предков в великанов превратили
 И, словно дети, их покорно чтим.

И все же мы когда-нибудь решимся:
 Пред сонмом предков, славным и святым,
 Как перед мудрыми детьми, склонимся,
 Себя же в великанов превратим!

АШОК ВАДЖПЕИ

Ашок Ваджпеи — талантливейший представитель движения «новая поэзия» в современной литературе хинди. Прекрасное знание как современной, так и классической индийской литературы в сочетании с ярким публицистическим дарованием выдвигают Ашока Ваджпеи на роль одного из теоретиков движения — «новая поэзия».

СЛОВНО ВЕСНА

Если я
принесу тебе в подарок
с десяток свежих цветов,
несколько обрывков белого облака,
охапку утренних лучей,
то нигде об этом написано не будет
о том, как принес я
эти подарки
и как нарядилась ты в них, улыбаясь
словно владычица-весна.

А дни за днями листаться будут,
и годы, сгустясь, заслонят дорогу —
ту самую дорогу,
которую когда-то
усыпали цветы из твоей гирлянды.

Обрывки облаков рассеются,
обломки лучей погаснут,
и нигде об этом не напишут —
о том, как однажды утром
я их собирал торопливо и радостно —
эти цветы, облака и лучи,
словно первые опавшие листья
в самом начале листопада.
А потом смотрел и смотрел на тебя -
разукрашенную,
счастливую,

смотрел, как ты по земле ступаешь,
словно владычица-весна.

МОРЕ

Громадный-громадный лазурный орел
громадные крылья свои раскрыл,
но к солнечным высям взлететь нет сил,
и крылья все бьются, бьются...

Громадный-громадный лазурный глаз
громадные веки свои раскрыл,
но в яркое небо глядеть нет сил,
и слезы все льются льются...

КОГДА ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ?

1

НА СКЛОНЕ ХОЛМА

Обрывистый холм и горб его в темных соснах,
Тропинка, ведущая вверх, безрассудная, как
вдохновенье,
Над речкою, согнутой словно от боли,— я все это видел
Так ясно, как только способны глаза увидеть.

И я прошептал, чтоб себя немного утешить:
Вернись я, вернись — пускай через сто столетий!..
Но тут же зарница мелькнула — будто спросила:
А долго ли. странник, ты все это помнить сможешь?

2

В ЛУЧАХ ЗАКАТА

Когда ж ты вернешься? — спросили лучи заката,
На гребне холма озаряя темные сосны
Печально и ласково, будто улыбка матери,
Молча сидящей над полусонным ребенком.

И песня возникла в душе, возникло признание
Того, что сильней всех желаний и всех страданий.
И больно, и сладостно было принять неизбежность:
Не будет, не будет возврата — не жди, не будет!..

БХАИ ВИР СИНГХ

Бхаи Вир Сингх — один из основоположников современной панджабской поэзии. Родился в Амритсаре в состоятельной, образованной семье. Получил блестящее воспитание, был хорошо знаком как с древнеиндийской и персидской, так и с английской литературой. Уже в середине 90-х годов Бхаи Вир Сингх занял заметное место в культурной жизни Пенджаба, стал видным деятелем сикхского движения. Главным вкладом Бхаи Вир Сингха в развитие современной панджабской литературы явилась его поэзия, прежде всего его лирика, составившая сборники «Венки волн» (1921), «Порывы» (1922), «Прекрасный Кашмир» (1925), «Венки из молний» (1927) и др.

Бхаи Вир Сингх — мастер короткого стиха, его часто называют «большим поэтом малых форм». Его стихотворения привлекают подлинным гуманизмом, чистотой и возвышенностью чувств.

ИСТОЧНИК АНАНТА-НАГ

Из недр земли, из тьмы ее извечной
Он льется струйкой — чистой, бесконечной.
Вот и зовем его мы, как умеем:
Анантой-Нагом — бесконечным змеем.
Рожден ли он из древнего колодца
Или на свет со дня творенья льется —
Не знаем мы. Зато отлично знаем:
Всегда он чист, прохладен, нескончаем.
Так пусть, над этой струйкой наклоняясь,
Ее бессмертной силе удивляясь,
Хотя б на миг подумает о вечном
Тот, кто не вечен в мире быстротечном.

МОЛЬБА

Кто я такой — ответь, могучий океан:
Одна из брызг твоих, кипучий океан!

На пальме, что растет на берегу твоём,
На кончике листа дрожу я день за днем.

Зачем меня увлек на берег твой прибой?
Зачем слепой судьбой я разлучен с тобой?

Взгляни, как мучает полдневный, знойный диск
Одну из радужных твоих несчетных брызг.

Что делать мне? И в мир беспомощно гляжу,
На пальмовом листе растерянно дрожу:

На землю упаду — в песок впитаюсь я,
А к небесам взлететь и не пытаюсь я...

Молю я: капельку живую пожалей —
В твои объятия позволь скатиться ей.

Пусть возвращусь в тебя, блажен и безымян,
О милосердия извечный океан!

ЛОДКА — ОЗЕРУ ДАЛ

Я — лодка, скольжу я в твою синеву
Без весел и без рулевого.

Я — лодка, все дальше по глади плыву
Лица твоего голубого.

Я — лодка, скольжу я, легка и грустна,
Куда меня ветер уносит.

И блещет твоя голубая волна,
Трепещет и плещет тугая волна —
Поет и любви моей просит.

ИСТОЧНИК — КРАСАВИЦЕ, ЧЕРПАЮЩЕЙ ВОДУ

Здравствуй, дева с кувшином, пленительная недотрога,
Подойди, наклонись, набери моей влаги немного.

Сколько ходит красавиц ко мне, и нарядных, и милых,
Но из них ни одной полюбить я, печальный, не в силах.

Я не рад их приходу — они только грусть пробуждают,
Образ нежности древней, красы незабвенной рождают.

Где ты, где, Нур-Джахан, чаровница моя и царица,—
Мне поныне глаза твои светят, лицо твое снится!

Голоса друзей. Современная индийская лирика в переводах Сергея Северцева. Алма-Ата: Жазушы. 1880. -С. 111-130; 147-152; 189-194

